

О любви к...

Моррис Фернандез

Сеньор Фернандез достаточно редко был в больницах. Часто навещал кого-то в них, но сам бывал там редко. Последний раз он обратился в больницу пару недель назад, на похоронах Одагири Хирото, но тогда его очень быстро отпустили, сказав, что нет ничего серьёзного. И уже через день он вернулся на работу.

А сегодня он прикован к кровати. У него случился инфаркт, плюс ко всему при падении он сломал шейку бедра и без того поврежденной ноги. Его нашли на полу без сознания, через полчаса он был в больнице. И слова врача, что ему нельзя вставать и вообще двигаться не меньше двух недель, заставляли его испытывать желание кого-то уничтожить. Но у него не были ни способностей к превращениям, как у племянника жены, ни к ментальной магии, как у дочери, ни даже к стихийной магии, как у Маргариты. Он был всего лишь беспомощным стариком, который вынужден лежать на больничной койке, ходить под себя и есть отвратительную еду. И вот предпоследний пункт его убивал больше всего. Это было отвратительно. Быть больным и беспомощным стариком.

Он лежал на кровати и тупо разглядывал потолок. На тумбочке стоял поднос с отвратительной едой, причем это была еда его поваров из его ресторана. У него была одноместная палата, с телевизором, едой из его ресторана, но ему на это было глубоко плевать. Он ненавидел. Эту больницу, эту еду, эти капельницы. И Юлиану. Сейчас он считал девушку причиной всех его бед. И он желал, чтобы никогда эта девчонка не появлялась на его пути.

- Фернандез-сан, вы так ничего не поели, - сказала молодая медсестра, студентка медицинского института. - Вам нужно есть, чтобы набраться сил.

- Отвали! - Пробурчал мужчина, глядя на нее. - Меня надо называть сеньор Фернандез!

- Но Фернандез-сан, если вы не будете есть, то не поправитесь.

- И что?! Тебе от этого что-то будет?! Отвали от меня и заberi эту &/@& еду! - крикнул мужчина, привстал и рукой смахнул поднос с тумбочки. Посуда с грохотом разбилась.

Девушка вздрогнула. Она всхлипнула и выбежала из палаты. А Моррис поморщился и зажмурился. Сердце кольнуло. По телу прошлась волна страха, на лбу выступил пот. Он сглотнул и сжал руку в кулак.

Моррис Фернандез

- Моррис? Дорогой, как ты?

Он открыл глаза. Над ним склонилось взволнованное лицо Жюли. Она нежно провела ладонью по его щеке, и он рукой перехватил ее ладонь.

- Отвратительно. Вытащи меня отсюда. Я не хочу здесь лежать.
- Я не могу тебя вытащить. Мне сказали, что ты ничего не ешь. Ты должен кушать...
- Я не должен. Отвали от меня! - Прорычал он.

Жюли тяжело вздохнула и покачала головой. Она не по наслышке знала, что такое инфаркт. Ее знакомый умер после инфаркта, не хотел лежать на кровати и однажды встал и пошел в туалет. Да так и умер. В случае Морриса была еще проблема - сломанная нога. Он мог на всю жизнь остаться инвалидом и провести остаток жизни в инвалидном кресле. Жюли честно признавалась себе, что не готови провести остаток жизни со стариком в инвалидном кресле, моя его и убирая за ним. И это сильно ее пугало. Она любила Морриса, но не могла пожертвовать ради него своей жизнью, работой и здоровьем.

Моррис это тоже прекрасно понимал. Он посмотрел на Жюли, а потом повернул голову к стене и вздохнул.

- Если хочешь уйти, то уходи сейчас, - проворчал он.

Послышались удаляющиеся шаги, потом хлопнула дверь. Моррис снова повернул голову и, взяв с тумбочки книгу, швырнул ее в стену. А потом тяжело вздохнул и попытался повернуться на бок, но из-за сломанной ноги не мог даже это сделать. Это раздражало и причиняло неудобства. Почему он сразу не умер, упав от сердечного приступа?

Маргарита Эрнандес

О попадании Морриса в больницу и его причинах Маргарита узнала слишком поздно, так что не успела ни сразу оказать помощь, ни поучаствовать в кровавой заварушке, куда ее, естественно, никто не звал. А видеть, как все глобальные события проходят мимо, Маргарита не любила. Так что, как только появилась возможность, сразу отправилась в больницу навестить бывшего начальника, свалившегося с инфарктом, да еще и умудрившегося заработать перелом. И если с первым рыжая ничего дельного сделать не могла, боясь без особой нужды браться за сложную для нее тему, то вот с переломом женщина вполне могла помочь, правда когда Морриса переведут из больницы домой, чтобы не шокировать местный персонал чудесным исцелением.

Естественно, без новостей о Юлиане и Хиро, умудрившихся собрать на свои пятые точки все возможные неприятности, соваться к Моррису она бы не стала, пусть и полагала, что история их приключений так или иначе могла дойти до палаты управляющего. Но чтобы он там не успел услышать, ее сплетни все равно были свежей, поскольку выдавливались из медперсонала и всех заинтересованных лиц не более часа назад. Так что вооружившись информацией и терпением Рита направилась в палату, рядом с которой значилось имя Морриса Фернандеза.

- Рада вас видеть, - бодро сообщила рыжая, делая вид, что не обращает внимание на хмурое лицо бывшего начальника. - Я слышала, что в этой палате лежит всем

недовольный пациент. Неужели это вы?

Маргарита не боялась реакции Морриса на свои провокационные слова. Она понимала, как нелегко такому деятельному человеку находиться в столь плачевном состоянии, поскольку сама два с небольшим года назад находилась на его месте. Но считала, что поддерживать того любовью и жалостью не было смысла, решая действовать привычными и понятными для себя способами.

Моррис Фернандес

На спине лежать надоело, она стала затекать, и мужчина зарычал в бессильной ярости. Он не хотел становиться овощем. Потому что сейчас он ничем не отличался от овоща. А, соображалка у тех вообще не работает. Он ненавидел свою эту слабость. И он ненавидел Жюли. Точнее, себя, что выгнал ее. Но ему не нужна жалость. Потому что он не видит себя дряхлым стариком в инвалидном кресле.

Некоторое время было тихо, и Моррис попытался подумать, что делать дальше. Врачи не давали прогнозов относительно его ноги, но ведь шейка в бедренной кости - самая хрупкая часть, да и заживает плохо. А если делать всякие остеосинтезы, вставлять штифты и прочие железяки в кость, то в аэропортах его будут постоянно мучить и смотреть его бумаги. И закрепится за ним звание "инвалид". Вроде если с конечностями плохо или какой-то нет, то дают первую группу. По мозгам - вторая. Третья - еще по чему-то. Неважно какая группа, важно само слово "инвалид".

Если он станет инвалидом, то сразу в голове вырисовывается очень много пунктов. Первый и, наверное, самый важный, он не сможет видаться с Кимико, играть с ней, бегать с ней. Потому что он будет сидеть в инвалидном кресле, с накрытыми клетчатым шерстяным одеялом красно-зеленого цвета ногами. И какая-нибудь патронажная сестра будет толкать его кресло. Жюли не нужен муж-инвалид. Яреци и Тору не нужен отец ивалид. А Кимико вообще не должна видеть такие вещи. И инвалиду нельзя будет удочерить маленькую сестренку Хирото, единственную Одагири во всем мире.

Конечно, если повезёт, он будет передвигаться на костылях, но реабилитация будет слишком долгая. Костыли тоже ограничивают движение и возможности, и это тоже сильно злит.

Потом стали вырисовываться ужасы, вроде тех, что он лишится возможности ходить, потом у него атрофируются мышцы, и до конца жизни он будет лежать, за ним будут выносить судно, его будут иногда мыть, протирая губочкой.

Нет, он не этого хотел, приходя несколько дней назад на работу. Совсем не этого. А вообще, надо было всех выгнать, закрыть ресторан и признаться шурина, что из него плохой управляющий. И уехать в Испанию или Мексику. Или во французские Альпы. Он этого не сделал. И теперь лежит здесь.

Хочется уничтожать. Он положил руку на поверхность тумбочки и пошарил по ней рукой, чтобы хоть что-то найти. Но поднос уже успели убрать, а книга валялась у двери. Он тяжело вздохнул и закрыл глаза. Видеть никого не хотелось.

Но пришла Маргарита.

- Отвали, - прошипел он. - Я не хочу видеть ни тебя, ни кого-либо еще. И мне не нужна ваша жалость и сочувствие. Просто уйди и забудь обо мне.

Он вспомнил, что несколько лет назал, два или три, Маргарита так же лежала в больнице с переломом, каким-то очень сложным, травмами, да еще и после экстренного кесарева. И ведь она не жаловалась. Он хмыкнул.

- Ладно, извини. Я ненавижу больницы, а мне тут торчать еще долго. И... - тяжело вздохнул он. - Можешь дать мне воды?

Графин со стаканом стояли на столе около двери, до которых Моррису не было суждено добраться. И это тоже было отвратительно. Потому что ему приходилось постоянно нажимать на кнопку вызова персонала. Он поэтому ничего не ел и не пил, чтобы меньше тревожить медсестер.

Маргарита Эрнандес

На попытки Морриса ее оправдать Маргарита только чуть приподняла бровь, естественно, никуда уходить не собираясь. Она прекрасно понимала почему мужчина находится в столь отвратительном настроении, но не собиралась ему позволять и дальше злиться на всех подряд, включая ее саму.

- Никто жалеть вас и не станет, - покачала головой рыжая, направившись за водой и считая, что в такой палате, где есть все необходимое, злиться на условия или несчастных медсестер неправильно. - У меня к вам конкретное предложение.

Маргарита наполнила стаканчик и принесла его Моррису, надеясь, что он перестанет проявлять недовольство и не вздумает в расстроенных чувствах вылить содержимое стаканчика на нее.

- С сердечными болезнями я предпочитаю не связываться, а вот перелом ваш вылечить вполне могу, так что будете как новенький. А для этого вам надо разобраться с последствиями инфаркта и выписаться из больницы домой, что будет проблематично, если вы продолжете плохо есть и ругаться с персоналом больницы, показывая иностранцев невоспитанными и грубыми людьми. Так что как быстро вы встанете на ноги будет зависеть только от вашего поведения и готовности слушаться компетентных людей.

Маргарита прекрасно понимала, что открыто ругать Морриса - только его злить, а проявлять жалость - унижать, поэтому решила зайти с другой стороны, показывая ему реальные возможности, имеющиеся с учетом нынешних обстоятельств.

Моррис Фернандес

Когда Маргарита протянула ему стакан воды, он тяжело вздохнул, привстал и взял стакан в руку. Рука сильно тряслась, и он пролил воду на свою больничную сорочку и одеяло. Потом стиснул челюсти, чтобы не закричать, из-за чего вырвалось не то мычание, не то еще что-то. Допив остатки воды, мужчина поставил стакан на тумбочку и лег обратно.

Он выслушал девушку, и в его душе затеплилась надежда, что он наконец-то станет снова здоровым человеком. Осталось пережить инфаркт, а это не просто. Потому что ему запретили совершать даже такое простое действие как приподняться, чтобы попить воду. И это его раздражало.

- Меня раздражает собственная беспомощность. Мне нельзя двигаться, да и не могу из-за перелома. Я прикован к кровати. Я даже не могу держать стакан. Я ненавижу собственную слабость, - пожаловался мужчина. - Я... Что там в ресторане?

Он боялся себе представить, какие сейчас будут убытки. В ресторане нет шеф-повара и управляющего. Он не удивится, если ему скажут, что там нет уже и поваров с официантами. Надо всех распустить и закрыть к чертям этот бизнес.

Он посмотрел на девушку.

Маргарита Эрнандес

Со стаканом Моррис справился из рук вон плохо, и Маргарита даже пожалела, что, не желая лишний раз намекать на его слабость, не стала помогать мужчине с питьем. Но в процессе вмешиваться не стала, не желая все только усугублять.

- Я прекрасно могу вас понять, поскольку сама находилась в похожем положении. - Маргарита очень не любила вспоминать историю с аварией и ее последствиями, но сейчас ее упоминание казалось рыжей вполне уместным. - Поэтому и говорю, каким образом вы можете себе помочь и ускорить свое возвращение к активной жизни.

Учитывая, что первый вопрос Морриса о новостях касался именно ресторана, только лишний раз напоминало, насколько управляющий страдает из-за своей невозможности на что-то повлиять. Но именно этим Маргарита и собиралась воспользоваться, мотивируя его думать о будущем после выписки из больницы.

- А с рестораном все нормально. Верьте в своих сотрудников. - На самом деле обстановка в ресторане была не самая простая, и тому же Сэтоши приходилось вкалывать как проклятому, как и многим другим сотрудникам, но кухня работала, да и обслуживание клиентов проходило на том же уровне, что и раньше, поэтому Моррис мог сильно не волноваться, мысленно рисуя картины, как без него там все разваливается.

Моррис Фернандес

Наверное, не будь он в этом отвратительном положении, то и понял бы, что девушка говорила правильные и нужные вещи. Надо пытаться, нельзя капризничать, надо выполнять все рекомендации и вообще делать вид, что тебя все устраивает. Только вот его ничего не устраивало. Совершенно ничего. Он не мог смириться с тем, что вынужден сейчас лежать на кровати, обшитый клеенкой матрац которой застелен белой простыней, пружины которой скрипят.

- Наверное, - пробормотал он, - чем человек старше, тем тяжелее смириться с чем-то подобным. Я представлял свою старость не так, совершенно не так. Мне нет даже семидесяти, а я могу остаться инвалидом. Шейка бедра тяжело заживает, и

мало у кого кость восстанавливается полностью... - Он прекрасно слышал, что Рита предложила ему потом помочь, но не знал, как реагировать - соглашаться или нет. Наверное, все-таки согласиться.

В ресторане не было ничего интересного, и он тяжело вздохнул. Ему казалось, что девушка что-то не договаривает. Наверное, чтобы его не нервировать.

- Хорошо. Передай своему мужу, чтобы он пока поработал моим заместителем. И проследил за работой поваров. И... - он вдруг смутился. - Можешь мне еще дать воды? Я стараюсь меньше пить, чтобы... в общем, ты поняла.

Вот этого он и боялся. Что ему будут подносить воду, уносить судно, кормить с ложечки. И этот ад будет длиться неделю, а может немного дольше. Он не хотел никого напрягать. Тем более девушку, которая вообще не обязана слушать его нытье и жалобы.

Маргарита Эрнандес

Моррис продолжал представлять страшные картины своего вероятного будущего, но Маргарита пока не стала напоминать о своем предложении. Все-таки он был взрослым мужчиной и прекрасно ее услышал, так что не стоило лишней раз говорить об одном и том же, только его раздражая.

- Не волнуйтесь, я всем все передам. - Маргарита исполнила просьбу и снова наполнила стакан, чтобы на этот раз поднести его к губам Морриса, давая ему возможность самому решить, воспользоваться ее помощью или взять стакан и все сделать самостоятельно.

Не успел мужчина опустошить стакан и наполовину, как в палату зашел доктор, причем настолько невысокий и худощавый, что рядом с ним даже Маргарита могла почувствовать себя чуть ли не Годзиллой. Правда для такого миниатюрного человека голос у него оказался на удивление глубокий и мощный, что придало его речи, в которой он без каких-либо ругательств, но при этом настолько ярко и четко сообщил о том, что думает по поводу поведения Морриса, что прониклась даже Маргарита, особый колорит. А лежащий на койке мужчина и вовсе должен был почувствовать себя школьником, вынужденным отвечать перед строгим учителем.

Посчитав, что с таким человеком стоит поговорить о состоянии Морриса и его перспективах подробнее, Маргарита, сообщив, что скоро вернется, направилась следом за врачом, который с чувством выполненного долга покинул палату и, царственно перебирая своими короткими ножками, направился дальше по коридору.

Моррис Фернандес

Девушка налила воду в стакан и поднесла к его губам. Он вздрогнул и сглотнул. Все это должно быть не так. Совершенно не так, но это было. И нужно было смириться и постараться взять себя в руки. Чтобы как можно быстрее восстановиться, оказаться дома, рядом с Жюли, и продолжить работать. Он вспомнил, что прогнал Жюли, и на душе стало паршиво. Может быть, она больше не придёт к нему?

Он позволил девушке напоить его, хотя из-за этого простого действия стало почему-

то стыдно. Стыдно от того, что она видела его беспомощность. Хорошо, что ничего не случилось при ней, ничего такого, от чего можно потом провалиться сквозь землю. Он однажды был уже прикован к кровати из-за травмы ноги и первые несколько дней стеснялся даже дочери, чего уж говорить о Маргарите или даже медсестрах. Но Яреци, его маленькая любимая девочка, была очень нежна и терпелива. Она поддерживала его, когда он пытался ходить на костылях, и помогала справляться с маленькими бытовыми моментами.

Он не успел допить воду, как в палату вошёл врач, который в достаточно строгой форме высказал, что думает по поводу поведения своего пациента, и Моррис почувствовал, что краснеет. Пробормотав "простите", он взял у Риты стакан с водой, чем девушка незамедлительно воспользовалась и ушла говорить с врачом, пообещав, что вернется. Моррис допил воду и поставил его на тумбочку, но не до конца, поэтому стакан, как только он убрал руку, упал и разбился.

- Вашу мать, - прорычал мужчина, разглядывая потолок.

Рикардо Агирре

Жизнь Рикардо Агирре последнее время отличалась неожиданной стабильностью, о которой он начал забывать, живя постоянно в режиме "работа-работа-работа", где "дом" встречался очень редко. А слово "отдых" встречалось всего раза три или четыре за почти пятьдесят лет работы. Да и то, что происходило, когда он переставал работать, отдыхом нельзя было назвать.

А сейчас у него было все совсем по-другому. Так, как должно быть у нормальных людей. У него была любимая женщина, которая подарила ему не только ребенка, но эту стабильность. У него был сын, который смог простить его и даже поехать к нему и Джулии, чтобы помогать в воспитании маленького Фокса.

Но очень скоро Рикардо понял, что не умеет отдыхать. Через три месяца после вечного крика от колик, зубов и еще черт-знает-чего, он позвонил Летиции и попросил, чтобы та дала ему работу. Летиция долго пыталась объяснить ему, в чем он неправ, но переубедить его не удалось, и она плюнула и дала несколько заданий. На переговорах он чувствовал себя нужным, сильным и главным. Совершенно неважно было, на какую тему велись переговоры и с кем, главным оставался тот факт, что он не растерял свою харизму, умение говорить красиво и правильно, и его мозг все так же работал.

А вот у зятя дела обстояли плохо. Два платежа он просрочил, и Рикардо, который никогда прежде не закрывал глаза на бизнес деньги, решил не давить. Тому было очень тяжело. А потом убили одного из официантов, за новой поваром велась охота, и кульминацией стала госпитализация Морриса с переломом и инфарктом.

- Тебе надо поговорить с ним, дорогой, - сказала ему Джулия, нежно проведя ладонью по его щеке.

- А что у нас так тихо? - Спросил он.

- Марки ушел Фоксом гулять. Твой сын очень хорошо ладит братом. Его все считают

отцом нашего малыша.

- Понятно, - пожал плечами Рикардо. - Я пойду прилягу.

Поцеловав Джулию, он ушел в комнату и лёг на диван. Какая-то усталость навалилась на него, и он заснул, хотя и не планировал спать. И приснился ему странный сон.

Снилось ему, будто он шел по лесу, над которым клубился туман. Очень скоро он понял, что вместо деревьев были люди - живые и тех, кого нет уже в живых. Живые не разговаривали с ним, а мертвые тянули к нему свои руки, будто пытаясь схватить его. Он сорвался на бег, чтобы эти люди-деревья не смогли разорвать его своими ветками. И вдруг он упал.

- Рикки... - слышался голос. Он медленно открыл глаза и увидел ее лицо. Она была красива.

- Лаура, - выдохнул он. - Мне тебя очень не хватает...

- Ты должен помириться с ним. Прости его, ведь он подарил мне последние дни счастья.

- Из-за него ты погибла, - пробурчал он.

- Прости его, братик. Ему сейчас очень плохо, поддержи его, пожалуйста...

- Хорошо.

- Береги себя, Рикки...

- Рикки. Дорогой, что с тобой? - в сознание вторгся другой голос, Джулии, и Лаура стала исчезать. И лес стал бледнеть, пока не исчез полностью. Мужчина открыл глаза.

Он лежал на полу, а над ним склонилось взволнованное лицо Джулии. Рикардо поднялся с помощью ее руки и сел на диван. Обнял свою любимую женщину и рассказал ей про сон. Джулия стала настаивать, чтобы он прямо сейчас поехал к Моррису и поговорил с ним.

Через час Рикардо шел по коридору больницы. Около палаты стояли низкого роста доктор и Маргарита Эрнандес. Когда девушка поговорила с доктором, и тот отправился по делам, мужчина кивнул ей в знак приветствия, а потом взялся за ручку двери. Из палаты слышался звон разбитой посуды, и он нахмурился. На каблуках повернулся к девушке.

- Он не в духе? Хочет убивать? - Хмыкнул он.

Маргарита Эрнандес

Маленький строгий доктор не имел ничего против, чтобы с ней поговорить, поскольку Маргарита сразу продемонстрировала, что уважает его мнение и постарается сделать все, чтобы проблемный пациент начал вести себя приличнее. И тот, видя такое отношение, подробно объяснил, что и к чему, убеждая рыжую в том, что дела Морриса не так уж и плохи, даже если тот сейчас видит весь мир в черных красках.

Не успела Рита договорить с доктором, как на горизонте появился ее старый знакомый пироман, которого Маргарита увидеть не ожидала. Насколько она помнила, почтенные сеньоры сейчас находились не в лучших отношениях, но, похоже, старые обиды не помешали Рикардо Агирре, не так давно ставшего отцом, от чего рыжая до сих пор находилась в легком шоке, навестить человека, с которым они были знакомы значительную часть жизни.

- Ну, он явно не доволен своим положением. - Маргарита не видела смысла скрывать дурное настроение бывшего начальника. - Но опять же из-за своего положения никого убить он не сможет, даже если появится подобное желание.

Если на нее Моррис просто наворчал, быстро отказавшись от своей идеи ее выгнать, то вот как он отреагирует на появление Рикардо рыжая не знала, а потому решила не уходить далеко, пока сеньоры начнут проявлять бурные эмоции по поводу состоявшейся встречи.

Рикардо Агирре

Он кивнул на ее ответ, который показался ему полным и даже развернутым, и снова взялся за ручку двери, чтобы ее открыть. Эти купейные двери его до сих пор раздражали, он не привык к ним, потому что эти двери ему напоминали двери в поездах. И в Мексике, и в Испании, и в России. А Джулии, наоборот, такие двери нравились. О них, как она считала, не будет ударяться маленький Фокс, хотя он был другого мнения. Но что верно то верно - эти двери были сделаны в стенах, въезжали туда и не мешали проходу. Но ему не нравилось.

Постояв так несколько секунд, он отпустил ручку двери и снова повернулся к девушке. Посмотрел на нее сверху вниз, слегка прищуренно, и подошел к ней поближе. А потом увидел несколько стульев и сел на один.

- Он был однажды в таком состоянии, когда на соревновании повредил ногу. Он тогда сломал ступню и долго ходил в гипсе. Лаура тогда не знала, как ему помочь, но Яреци поддерживала его. Ей тогда было пять лет. Тогда он сильно начал пить, а я запретил Лауре говорить об этом матери, - произнес он, не зная, зачем вообще завел разговор.

А еще он вспомнил сон и подумал, что надо извиниться тоже. За поведение, когда напился и устроил поджог. И вот с этим было все очень сложно. Потому что сеньор Агирре катастрофически не умел извиняться. Он даже не знал, как это делается.

Маргарита Эрнандес

Маргарита уже было решила становиться стражем у дверей, когда Рикардо войдет внутрь, чтобы в случае необходимости остановить погром больничной палаты, но в последний момент мужчина передумал, усевшись на стул. Для рыжей до сих пор оставалось загадкой, почему рядом с ней эти далеко не юные мексиканцы становились разговорчивыми и начинали ударяться в воспоминания, но, похоже, эта была какая-то особая магия, природу которой не смогли бы объяснить даже старшие мастера монастыря.

- Да, я знаю про старую травму, - кивнула Маргарита. Она прекрасно могла представить, как сильно Моррис ворчал из-за своей немощи в то время, когда был моложе и, соответственно, еще активнее, чем сейчас и порадовалась, что годы все-таки не позволяли сеньору Фернандезу буяннить так же сильно, как он, наверняка, мог лет пятнадцать-двадцать назад.

- Постарайтесь лишний раз ему не напоминать о его плачевном положении. - Маргарита видела, что сейчас Рикардо выглядит спокойным, как человек, который не станет устраивать скандалы по пустякам. Но зная о его горячей крови, помноженной на дурное настроение Морриса, решила лишний раз предупредить сеньора Агирре, раз он решил не торопиться и переброситься с ней парой-тройкой предложений на касающиеся ждущего за дверью больного темы.

Рикардо Агирре

Мужчина посмотрел на девушку, которая продолжила стоять, снизу вверх, и вздохнул. Прикрыл глаза и помассировал пальцами руки виски, пытаясь избавиться от головной боли. Какой-то неприятной и тянущей. А потом посмотрел на дверь палаты, за которой скрывался Моррис. Он прекрасно понимал, как тому сейчас тяжело, ведь он тоже некоторое время назад был в больнице, правда у него тогда не было инфаркта, но ему нельзя было работать, вставать и нервничать, но он в тот день нарушил сразу все пункты. Он работал, потому что без работы не мог, он встал, потому что к нему пришёл Маркус и стал его обвинять во всех свих проблемах. И он переживал из-за болезненных слов Маркуса, когда тот говорил, что ненавидит его. Тогда его вовремя спасли врачи.

Нужно просто встать и попросить прощения. Ведь это просто, даже Маркус попросил прощения. Почему он не может?

Он вздохнул и встал со стула. Подошёл к двери и взялся за ручку. А потом вернулся на своё место и горько хмыкнул.

- Я... знаете, мне сегодня приснилась Лаура. Она сказала, что я должен простить его, что он её забрал из больницы. Но я... не виню его... Я... - Он хмыкнул. - Хочу попросить у вас прощения за то, что случилось тогда в ресторане. Я... вёл себя неадекватно.

Ничего не произошло, земля не разверзлась, молния не пронзила его, и он опустил голову, изучая свои ботинки.

Маргарита Эрнандес

Засиживаться сеньор Агирре не стал, все-таки решив зайти в палату того, ради кого

он сюда и пришел, поскольку желание увидеть рыжеволосую европейку в столь экзотическом месте явно не могло бы выгнать его из дома. Но у двери мужчина снова затормозил, словно испытывая желание что-то сказать, но не чувствуя в себе готовности это сделать.

- Ну, думаю вам стоит довериться этому сну. - Маргарита сильно сомневалась, что Рикардо увидел дух своей сестры, так как способностей шамана у него вроде не наблюдалось, но если ее образ мог призвать его наладить отношения с Моррисом, то рыжая была руками и ногами "за".

- Со всеми случаются неоднозначные моменты, - пожала плечами Маргарита на старания сеньора Агирре попросить у нее прощения. - Главное, больше никогда не повторять подобный опыт. - Из-за последних событий в ресторане и так царила сложная обстановка и не хватало только очередного буяна, способного устроить настоящий хаос. А постоянно торчать на работе у мужа, с целью подстраховаться от пожаров и прочих бедствий, с которыми она могла справиться лучше других, рыжая не могла, ставя на первое место потребности сына, которого и так последнее время постоянно сбавривала безотказной свекрови.

Рикардо Агирре

Мужчина вздохнул. Поднял голову и посмотрел на девушку. Качнул головой и снова встал со стула. Ему не хотелось задерживать девушку, но почему-то захотелось поговорить. Он говорил мало. Обычно по работе. Все, что касалось жизненных моментов - это все проходило стороной мимо него, и он не умел как-то разговаривать. Все его разговоры, касающиеся жизненных моментов, затрагивали Лауру, Маркуса, а сейчас в жизни появился еще один человек. Наверное, самый главный человек в их жизни. Он пока не определился сам, кого любит больше - Маркуса, с которым отношения стали налаживаться относительно недавно, или же Фокса.

Поняв, что он унесся в никому ненужные мысли, он коротко кивнул девушке. Но уходить пока не спешил.

- Думаете, он меня простит? - Хмыкнул он. - А вы не знаете про то, что случилось с той новой поваром?

Ему, конечно, на это было плевать, но может быть Моррис ничего не знает, и эти новости, если они, конечно, хорошие, ему могут как-то помочь.

- Что вам врач сказал? Сколько его здесь продержат? - Вот это было важнее, чем знания про каких-то там поваров/официантов/полицейских.

Маргарита Эрнандес

Как оказалось, у Рикардо накопилась целая куча вопросов, которые он решил задать ей как человеку больше всего похожему на источник неисчерпаемой информации. И, что интересно, не прогадал, поскольку Маргарита действительно успела подсуетиться и уточнить все интересующие его моменты.

- Ну, если бы Моррис сейчас не находился в таком отвратительном настроении, то

наверняка простил бы. А так особенно теплую встречу и всепрощение обещать вам не могу. - Маргарита решила не давать Рикардо напрасных надежд, поскольку по звуку разбившейся недавно посуды становилось ясно, что прямо сейчас от недовольного пациента можно ждать любых сюрпризов.

- Юлиана Кръсто сейчас в больнице. Но жить будет и возможно даже хорошо. - По поводу последнего Маргарита не была бы так уверена поскольку сейчас проводились активные разбирательства по поводу того, как гражданин другой страны, пусть и убийца, оказался истыкан ножом. Да и пережив то, что довелось пережить несчастной жертве маньяка трудно было рассчитывать на скорое как физическое, так и психическое восстановление.

- Все будет зависеть от готовности сеньора Фернандеза выполнять предписания врачей. При хорошем раскладе где-то около двух недель, а там могут отправить долечиваться домой. Естественно, ей называли минимальные сроки, подразумевающие, что кто-то будет ухаживать за больным дома, но этот момент казался Маргарите наиболее простым, поскольку сразу после выписки из больницы в ход могла вступить магия, результаты воздействия которой Моррису еще пришлось бы какое-то время скрывать.

Рикардо Агирре

Мужчина кивнул на слова девушки и посмотрел на неё. А потом поправил пиджак и подошёл к двери. Открыл её и вошёл в палату. Около стены лежала книга, и Рикардо её поднял. Это был томик Пушкина, который очень нравился Моррису, хотя сам Рикардо был солидарен с Яреци, которая говорила, что Лермонтов писал намного интереснее, чем Пушкин. А вообще, если быть честным, то Рикардо не нравились ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Достоевский. Ему нравились испанские классики, Сервантес, например.

Моррис лежал на кровати и изучал потолок с таким видом, как будто никогда раньше не видел его. Рикардо подошёл к кровати и увидел на полу разбившийся стакан. Положил книгу на тумбочку и поставил стул к кровати. Сел на него и посмотрел на своего родственника. Он должен попросить прощения у него. И простить его за то, что тот выкрал Лауру из больницы. Самым неприятным было во всей этой истории, что мать обвиняла его в этом, а потом обвиняла его в том, что он не появился на похоронах Лауры. А он ничего не знал. Потому что ему казалось, что адекватный родитель будет говорить своему ребёнку о смерти кого-то из родственников.

Он смотрел на Морриса, а в горле застряла тысяча слов, но он не смог произнести ни одного слова.

- Как ты? - Вырвался у него глупый вопрос. Он тяжело вздохнул.

Моррис Фернандез

После того, как ушла Маргарита, прошло достаточно времени. Врач говорил громко, но спокойно, однако ничего понятно не было. Но девушка обещала вернуться, однако голоса смолкли, а она все не возвращалась. Наверное, у неё появились дела, может быть она вернулась к сыну и мужу, оставив его одного. Он не был её родственником, и о нём она не обязана была заботиться. Жюли, кажется, тоже

уехала, обидевшись на него. Хотя он сомневался, что смог бы ухаживать за Жюли, если бы она попала в такую ситуацию. Он ухаживал только за Лауриттой, особенно последние часы её жизни, когда было уже известно, что путь её закончен. Она это чувствовала как-то, но старалась быть такой же весёлой и держать его за руку. У них было много всего, и это останется навсегда в его памяти. Потому что это была часть его жизни.

Он вздохнул и прикрыл глаза. Вспомнил её, она улыбалась и смотрела на него с доброй и ласковой улыбкой. Такой, какая была часто на её лице. С этой улыбкой она смотрела на него в детстве, когда он сказал, что больше не будет курить, с этой улыбкой она смотрела на него в Барселоне, когда он спас её от отморозка, эта улыбка у нее была, когда она на руки взяла Яреци. И эта улыбка была, когда она в последний раз смотрела на него. Этот день он помнит до сих пор. Они сидели на пляже, рядом с водой. Волны нежно касались их ступней, и она смеялась. Потом они пошли домой, он помог ей принять душ и переодеться, а потом обнял её. Они спали вместе, но он проснулся рано утром и решил посмотреть на рассвет. А когда пришёл, она уже умерла. Тихо, во сне. С улыбкой на лице.

С этой самой улыбкой.

Послышались шаги, и Моррис открыл глаза и увидел шурина. Вздохнул и стал смотреть в потолок. Тот сел на стул и стал смотреть на него, явно не решаясь начать разговор. Моррис не знал, хочет ли он слушать его, разговаривать с ним, но воспоминания о любимой Лауритте заставили его стать немного мягче. Ему показалось вдруг, что она где-то здесь, оберегает его и не даёт ему срываться и страдать.

- Какими судьбами? - На вопрос Рикардо он решил не отвечать.

Рикардо Агирре

Заходя в палату, где лежал зять, Рикардо готовился встретить негатив. злость, ненависть, безысходность. Но этого не было. Было что-то странное. Как будто эффект чьего-то присутствия, очень слабый, но в то же время сильный и навязчивый. Здесь было ещё одно заинтересованное лицо, о котором каждый из них думал и каждый его любил. Здесь была Лаура.

Рикардо никогда не верил во всякие души, которыми наделены оболочки. Он, как и все католики, был крещён, иногда посещал церковь, а потом мир цифр, аналитики и бизнеса захватил его, и он перестал задумываться о том, что будет после смерти. Человек закроет глаза, испустит последний вздох, а потом его положат в гроб и отправят на кремацию, где в печи с температурой около тысячи градусов тело превратится в кучку пепла, который соберут в небольшую керамическую или железную урну и отдадут родственникам. И всё. А что там будет потом, что будет делать душа - это всё равно никто не знает. А раз не знает, то этого и нет.

Голос у Морриса был не недовольный, не уставший и даже не безразличный, а какой-то...другой. Это был голос *того* Морриса, который просил у отца руки Лауры. Рикардо посмотрел на своего зятя. Эффект присутствия был достаточно сильным, что не укладывалось в рамки материального мира. Списав всё это на переживания,

недосыпы, работу и ненавистные больницы, Рикардо постарался как-то отречься от этого. Закрыв глаза, он увидел свою сестру, и мотнул головой и вздрогнул. Почему-то сразу нашлись слова, те слова, которые он должен произнести.

- Я... хочу попросить у тебя прощения. Я тогда повёл себя ужасно, подставил тебя и заставил сильно переживать. Спасибо, что вытащил меня из тюрьмы. И... в общем, прости, - сказал он сначала неуверенным голосом, но по окончании в голосе была уверенность. Он посмотрел на Морриса, а потом опустил голову.

Моррис Фернандес

Первые минуты Рикардо молчал, и Моррис снова прикрыл глаза. Чтобы снова увидеть её. Она кивнула, а потом стала удаляться, пока совсем не исчезла, оставляя его в темноте. Но не одиноким. Рядом с ним сидел Рикардо, и пусть он не был его родственником по крови, он был его родственником по жене. Он тоже любил Лауритту. Другой любовью, но так же искренне и нежно, как это делал Моррис.

Вдруг тишину больничной палаты нарушили слова шурина, и Моррис открыл глаза и повернул к нему голову. Он не сердился на Рикардо. Уже не сердился. Вот с того самого момента, как увидел лицо своей Лауритты.

- Ты меня тоже прости. Она не хотела оставаться в больнице, ей было страшно, и я решил ей подарить несколько недель спокойствия. Она... ни разу не упрекнула меня, она казалась самой счастливой женщиной. Я не помню, чтобы видел в её глазах столько радости и счастья, сколько было в это время. И... спасибо тебе за то, что ты для нас делал. Для меня и для неё.

Он накрыл своей холодной рукой тёплую руку своего родственника, с которым отношения были порваны, кажется, даже окончательно, но сейчас из-за какой-то неведомой силы они наладились. Моррис вообще не любил ссориться.

Рикардо Агирре

Прикосновение холодной руки Морриса к его собственной ладони заставило его вздрогнуть и поднять голову. Он столкнулся со своим зятем взглядом и хмыкнул. Почему-то было что-то странное. Они не злились друг на друга. Моррис не стал пытаться его убить, как предупреждала его Маргарита, ссылаясь на то, что он находится в дурном настроении и самочувствии; он сам не злился на Морриса, а в палате это время ощущался дух Лауры. Женщины, которую любили они оба. Рикардо любил свою сестру и только из-за неё не порвал отношения с матерью и младшим братом. Потому что она просила его позаботиться о них.

- Поправляйся, - только сказал мужчина. - И выполняй все предписания врача, и тогда ты выйдешь отсюда быстрее. Ты нужен там.

И вроде бы всё, можно было уйти, но он пока остался. Через несколько минут они с Моррисом болтали на отвлечённые темы, как будто не было у них никаких ссор и не были они ворчливыми стариками, которые иногда падают на головы молодых людей вроде Маргариты Эрнандес. И всё у них было хорошо и спокойно. Они были родственниками, которые старались поддерживать друг друга...
